

"... и двигаются на северо-восток, к Хэнкоку," - сказал полковник Теодосио МакКейн, командир 4-го полка Управления Внутренней Безопасности Мезы, ткнув указательным пальцем в голографический дисплей Циклопа, своей легкобронированной командной машины. "И пока Девятнадцатый идет, мы собираемся пойти на северо-запад, к Новому Росток. Рэнди," - он поднял глаза, чтобы бросить свирепый взгляд на майора Рэндалла Майерса, командира его 2-го батальона, - "твои люди идут сюда. Броки," - его сердитые глаза обратились на майора Камелию Брокманн, командира 1-го батальона, - "ты будешь следить за спиной Рэнди, и я хочу, чтобы ты оставила две роты в качестве нашего резерва."

Оба майора кивнули в знак понимания. МакКейн подумал, что Брокманн была немного менее восторженной, чем Майерс. Она не выглядела нерешительной или испуганной. Она просто не выглядела такой воодушевленной и готовой идти, каким, очевидно, был Майерс. Это была главная причина, почему он выбрал 2-ой батальон ведущим, а первый - поддерживающим. Майерс и его командиры явно стремились схватиться с сесси, которые убили так много оперативников Общественной Безопасности, и МакКейн хотел направить вперед кого-то, кто рвался в бой. Не то чтобы кто-то в УВБМ чувствовал что-то теплое и пушистое по поводу беспокойства УОБ, но это была действительно плохая идея - позволить сесси получить ошибочное представление о том, что они могут убить любого безопасника, не заплатив такую цену, которая обеспечила бы ночными кошмарами оставшихся в живых, их детей, их внуков и их правнуков.

"Тогда все в порядке. Вернитесь к своим подразделениям. Мы начнем через двадцать минут."

* * *

"Что теперь, Фергюсон?"

Капитан Гэвин Шульц выглядел более чем раздраженным, глядя на проблемного ребенка роты Bravo. Шульц командовал Bravo в течение почти трех лет, а лейтенант Коннор Фергюсон командовал 2-м взводом Bravo - и был болью в заднице Шульца - все эти годы. Честно говоря, Шульц так и не смог понять, почему Фергюсон пошел в Управление Безопасности. Разум человека - или, по крайней мере, его сердце - просто не было в работе и он был приверженцем следования правилам и процедурам, вроде тех, кто, похоже, не понимал, что иногда нужно просто игнорировать Устав и делать чертову работу. Шульц знал нескольких других, таких как Фергюсон, людей, которые гордились своим "профессионализмом", но не имели смелости, когда появилась грязная работа. Кто думал, что они могли бы держать чертовых сесси на месте, не разбив много голов и случайную шею в процессе.

Шульц не слышал Риган Шнайдер, говорившую о "проблеме сесси" на конференции директоров, но если бы он слышал, он бы решительно поддержал ее чувства. Он точно знал, почему он присоединился к УВБМ восемнадцать лет назад. Что бы ни думали такие люди, как Фергюсон, он знал - как Шнайдер - что само существование сесси было обьязано многовековой ошибке, которая подарила последующим поколениям мезан проблему, которая могла только усугубиться. И так оно и было. Любой, у кого были глаза, знал об этом еще до Грин Пайнс. Сесси были подонками, генетически неотличимыми от рабов, которые их породили, и они размножались как мухи. Все знали, что они обычно уклоняются от лицензий на рождение, которых придерживались граждане, и теснятся в своих грязных норах, как крысы, снующие в собственных отбросах. И они всегда были там, всегда появлялись в новостях, напоминая людям, что галактика не идеальна.

Всегда был какой-то глупый проклятый интеллеktуал, чтобы скулить о том, как ужасно обращаются с сесси, что ограничение их гражданством второго сорта было бичом для чести полноправных граждан Мезы. Но что еще хуже - хуже всего - само их существование было постоянно существующей угрозой фундаментальной безопасности Мезы. Они происходили от рабов, были отпущены, получили свободу, и если это могло произойти с их предками, то почему нынешнее поколение рабов не должно стремиться к тому же самому? И именно такое стремление привело к таким вещам, как Грин Пайнс и Добжанский.

Это было то, что люди, вроде Фергюсона, казалось, никогда не понимали, и именно поэтому Гевин Шульц присоединился к Защитникам Безопасности и Порядка, когда ему было всего двадцать три года. ЗБП не был вполне законным, но он также не было совсем незаконным. Его члены понимали, что сесси нужно держать на месте, и Шульц, поднявшийся до звания Первого Защитника, использовал любую минуту - конечно, в свое свободное время - и научил немало сесси их месту в течении многих лет. Конечно, он также использовал свои официальные контакты, чтобы выяснить, какие из сесси нуждаются в обучении. Это была одна из причин, по которой он любил свою работу.

И глупость людей, которые не могли видеть правду, когда она смотрела им прямо в глаза, была одной из причин, по которой у него было очень мало терпения с такими людьми, как Коннор Фергюсон.

"Я просто хотел уточнить правила боя, сэр," - сказал Фергюсон.

Ростом всего лишь ста семидесяти семи сантиметров, Фергюсон выглядел как подросток рядом с более высоким, мощно сложенным Шульцем, даже в своей универсальной броне. УБ УВБМ была не совсем равной боевой броне, по многим причинам, начиная со стоимости. Боевая броня была дорогой, и даже у такой богатой звездной системы, как Меза, не было неограниченного бюджета. Хуже того, представители корпораций, которые управляли Мезой, не хотели платить больше налогов, чем они должны были, а это означало, что бюджет правительства системы Меза получал значительно меньшую долю продукта валовой системы, чем в случае большинства других богатых систем. Кроме того, солдатам УВБМ на самом деле не нужна была боевая броня. Они не собирались сражаться в вакууме; многие из их боевых миссий должны были проходить внутри зданий, где большая боевая броня могла быть явным недостатком в ближнем бою; и им вряд ли понадобится носить с собой полноценную плазменную пушку.

Более того, боевой броне нужно было много энергии; универсальная броня в три раза превышала выносливость при меньшей на две трети мощности, что означало, что ее владелец мог оставаться в действии в пять раз дольше с одним комплектом блоков питания. "Время пребывания" было главным соображением в миротворческих миссиях, и любой солдат УВБМ согласился бы, что ради большего времени на переднем краю стоило пожертвовать несколькими наворотами. Но хотя УБ была более компактной, чем боевая броня, она, безусловно, была достаточно большой, чтобы излучать ауру грубой, угрожающей силы, особенно в глазах человека, у которого вообще не было брони, и дизайнеры УВБМ намеренно усилили этот аспект. Она была чернильно-черной, отделанной алым, с преувеличенными, остроконечными наплечниками, перчатками с шипами на косточках и односторонне отражающим забралом, помеченным знаком УВБМ с перчаткой и кинжалом.

В этот момент забрало Фергюсона было поднято, и Шульц видел несчастье в его карих глазах.

"Полагаю, что полковник прекрасно объяснил правила ведения боя," - холодно сказал капитан. "Однако, если вы не поняли, я уточню для вас. Мы работаем по Правилам Боя Омега,

лейтенант Фергюсон."

"Я понял это, сэр," - упрямо сказал Фергюсон. "Я просто хочу быть совершенно уверен в отношении взятия в плен и несовершеннолетних."

Шульц посмотрел на него. ПБ Омега разрешали немедленное применение смертоносной силы; разрешали использование всех доступных и необходимых средств поддержки, - включая авиаудары, броню и неприцельный огонь, исключая удары КО - по вызову фронтовых командиров; и разрешали устранение любой потенциальной угрозы без учета возможного побочного ущерба. Ключевые слова, как Шульц и Фергюсон оба прекрасно понимали, были "потенциальная угроза". Официально это просто освобождало руки офицера, чтобы справиться с врагами, относительно которых было не ясно, представляют ли они "потенциальную" опасность прямых враждебных действий. На самом деле, это можно легко истолковать как охватывающее любую ситуацию, потому что в такой операции, как Крысолов, особенно после того, как она пошла плохо с начала дня, командир подразделения мог истолковать практически что угодно как "потенциальную угрозу".

Однако вселенная была несовершенным местом, и даже УВБМ было вынуждено уступать общественному мнению - и впечатлению - в некоторых отношениях. Можно было ожидать, что кровоточащие сердца будут жаловаться на суровую реальность, и всегда был кто-то, кто мог бы указать на последствия для "межзвездных связей с общественностью", если быть слишком откровенными во всем, что было записано и было доступно публике. Вот почему даже при ПБ Омега кому-то, пытающемуся сдаться, должно было быть разрешено это сделать, и поэтому персонал УВБМ должен был минимизировать потери, особенно среди несовершеннолетних детей. И если только Шульц не ошибся, Фергюсон включил системы тактической защиты своей брони в сеть, что означало, что он почти наверняка записывал весь этот разговор. Это было похоже на ханжеского сукиного сына, и никто не мог сказать, как следственная комиссия может... неверно истолковать все, что было не по Уставу.

"Хорошо, хорошо," - раздраженно сказал капитан. "Если чертовы ублюдки хотят сдаться - и если они поднимут свои проклятые руки достаточно быстро - позволь им. И если ты можешь сказать, что это ребенок, и если у него нет гранаты, ты можете защитить его и передать командам по сбору. Это достаточно ясно?"

"Да сэр. Спасибо, сэр."

Коннор отдал честь, закрыл визор своей УБ и направился обратно к своему взводу, в то время пока сердитый взгляд Гэвина Шульца сверлил дыру в его спине, пока он шел.

* * *

Командир отделения Кайла Барретт смотрела на лейтенанта Фергюсона из-за защитного укрытия своего забрала горящими глазами, когда он шел к ней. В обычное время Баррет считала Фергюсона достаточно терпимым. Возможно, слишком паинькой для боевого офицера УВБМ, но справедливым, твердым в дисциплине и обучении, но не солдафоном. Но сегодня было не "обычное время", и сегодня у Кайлы Барретт было очень мало терпения для тех, кто не так рвался в бой, как она.

Она стояла очень тихо, с твердым взглядом карих глаз, и чувствовала, что дрожит от ярости. До зверства в парке Голубой лагуны у нее были брат, сестра, невестка, две племянницы и племянник. Сегодня у нее не было никого, и ничто на небесах или в аду не могло помешать ей отомстить за эти смерти. Она не знала, имели ли те, в кого ей предстояло стрелять, личную

связь с этим нападением, и это не имело значения. Если бы они не сделали это сами, они бы все равно произвели того, кто это сделал. Эти убийцы вышли из сессы, они прятались среди сессы, и значит, они были спрятаны сессы. Доказательства этого были достаточно ясны... и это было все, что она должна была знать.

Барретт никогда не состояла в Защитниках Безопасности и Порядка, как капитан Шульц, но она знала, что он состоял, и ее саму приглашали раз или два. Сегодня она хотела быть с ними. На самом деле, это было то, на что она собиралась сделать, когда вернется в казарму.

Но сейчас...

"Поднимайте людей, сержант," - сказал лейтенант Фергюсон. "Мы выступаем через пять минут."

"Да, Сэр!"

* * *

"Дерьмо эта охранка!" - воскликнул Девятипалый Джейк.

Они с Дженни Рукой присели в устье дренажной трубы на краю парка Тронхейм. Тронхейм был не таким уж большим по сравнению с парками для детей полноправных граждан, но он обычно был ухоженным и чистым, и предлагал широкое зеленое пространство с несколькими скромно оборудованными игровыми площадками вокруг небольшого пруда. подходящего для игрушечных лодок, и в нем обычно было много детей.

Сегодня он был пустым, кроме около дюжины тел, разбросанных по нему. Большинство из этих тел принадлежали сессиз, но двое из них были солдатами УОБ. С безопасников сняли оружие, а Девятипалый забрал их защищенные коммы. Он послал один из них дальше по линии к Юргену Дусеку, но оставил себе другой и слушал его последние пару часов. Ему скорее нравилась паника, которую он услышал в голосах безопасников, когда они поняли, что, для разнообразия, не все идет как обычно, и он испытал дикое наслаждение от постоянно растущих общих потерь, о которых они объявляли. Но Девятипалому было уже почти семьдесят лет. Он знал, как Служба безопасности будет реагировать на тяжелые потери. Тем не менее, он не ожидал увидеть солдат УВБМ так быстро.

"Дерьмо," - пробормотала Дженни рядом с ним.

Технически, ни она, ни значительно более старший Девятипалый не были связаны с организацией Дусека. Они были независимыми, но любой независимый знал достаточно, чтобы поддерживать хорошие отношения с местным боссом, а Дусек был более разумным, чем большинство. Пока они платили дань, которую он взимал - а она не была чрезмерной - независимые могли занимать любую нишу между основными областями деятельности его организации. На самом деле, у него было много мелких рабочих мест, которые он готов был отдать независимым, которые соблюдали правила... самым первым из которых было не причинять вреда "гражданским", живущим в его районе.

Никто не был ограблен, избит или изнасилован в Новом Ростке, если он сам первым не пересек черту. Дусек относился к таким вещам всерьез - насилие и случайное воровство были не просто вредны для бизнеса; это были также тем, что, по ожиданиям людей в его округе, он должен был свести к минимуму - и, похоже, он чувствовал свою ответственность еще сильнее, чем считала Дженни.

Он уже объявил, что башня Нового Ростока готовится к боевым действиям, и она знала, что они с Десятипалым могут найти там место. Но западной границей Тронхейма был бульвар Икер, один из подземных пешеходных путей - пешеходный путь сессии, конечно, что означало, что его движущиеся тротуары работали не более половины времени - и огромное количество людей бежало к тому убежищу, до которого можно было дойти пешком, теперь, когда общественный транспорт за пределами самих башен был остановлен властями Менделя. Работали тротуары или нет, бульвар Икер был одним из основных путей в Новый Росток; если бы он был заблокирован, многие люди, пытавшиеся найти убежище для себя и своих семей, оказались бы под открытым небом или в ловушке в его подземных частях.

Будучи независимыми, она и Десятипалый не имели формально назначенной роли в оборонительных планах организации Дусека, поэтому они назначили себя наблюдателями за толпами гражданских лиц, следующих по бульвару в надежде на безопасность в башне босса.

"Какого черта нам сейчас делать?" - спросила она, глядя, как одетые в УБ фигуры выходят на открытое пространство и начинают методично двигаться по парку.

"Будь я проклят, если знаю," - ответил Десятипалый, потирая безволосую голову поврежденной левой рукой, которая дала ему прозвище. "Я надеялся, что это будут безопасники, но эти пукалки," - он кивнул на гражданские импульсные винтовки, которые он и Дженни получили, - "ничего не сделают против УБ."

"А что несут эти ублюдки впереди?" - нервно спросила Дженни. "Не похоже на импульсные винтовки или ружья!"

"Потому, что это не они," - мрачно сказал Десятипалый. "Это нейробластеры, девочка."

Дженни вздрогнула. На самом деле она никогда не видела использование бластера лично, но она видела их на видео, и один из ее двоюродных братьев потерял правую руку после случайного удара нейрохлыстом в операции Безопасности по "очистке толпы". Бластеры использовали точно такую же технологию, но они были намного мощнее любого нейрохлыста, а длина хлыста была не более метра. Это был весь радиус действия, в то время как бластеры могли убить кого-то за полторы сотни метров. Они были не так дальнобойны, как импульсные винтовки, и гораздо менее эффективны для простого убийства людей, чем игольники, но в Охранке использовали их не потому, что они были эффективны; они использовали их, потому что это было оружием террора. Даже тот, кто может пренебречь пульсерным дротиком, дважды - или даже трижды - подумает о столкновении с бластером.

"Что... " Она остановилась и с трудом сглотнула. "Что мы... ?"

Она снова сглотнула, и Десятипалый повернул голову, чтобы невесело улыбнуться ей. Затем он вручил ей комм, который снял с тела безопасника.

"Возвращайся на бульвар Икер," - сказал он ей. "Возьми это с собой. Там у Дусека есть люди, пытающиеся управлять движением. Найди одного из них и отдай ему это. А сама иди в Новый Росток. Им понадобится каждый стрелок, которого они смогут найти, прежде чем это закончится."

"Я? Как насчет тебя?"

"Я думаю, я позволил гребаным Безопасникам и Охранке убить достаточное количество людей, о которых я заботился." Глаза Десятипалого не сводили глаз с приближающихся войск УВБМ. "Пора мне самому немного врезать им."

"Ты чертов псих? Они убьют тебя, Девятипалый!"

"Человек должен умереть, делая что-то," - ответил он. "Может быть, мне нравится заниматься этим, а не просто спать в кровати. У меня есть сюрприз или два для этих ублюдков. А теперь иди, девочка!"

Дженни бросила еще один мучительный взгляд на его лицо, разрываемая ужасом, страхом, надеждой и стыдом при мысли о том, чтобы оставить его одного, но он только изогнул уголки рта и наклонил голову к бульвару Икер.

Она быстро и яростно сжала его плечо, затем побежала вниз по дренажной трубе.

* * *

Рядовой первого звена Жубер Азокар смотрел на шлемный дисплей одним глазом, а другим следил за тем, что дисплей мог пропустить. Он знал по опыту, что сенсоры его УБ показывают угрозы, которые распознает ее компьютер, и склонны игнорировать то, что не попадает в его иерархию угроз. Он искал источники питания, инфракрасные сигнатуры, связанные с машинами или противниками в активной броне, и большое количество индивидуальных ИК-сигнатур, которые, как показывал его анализ, двигались или располагались, чтобы действовать совместно. В рамках этих параметров все было очень, очень хорошо. За пределами этих параметров это было глупо, как камень. Конечно, все, что он пропустил при поиске, вряд ли было достаточно опасным, чтобы на самом деле пробиться сквозь броню Азокара, но он и остальная часть роты Bravo уже прошли, по крайней мере, мимо двадцати или тридцати мертвых Безопасников. У него не было желания повторить их судьбу.

Внезапно он остановился, поднимая правую руку в древнем визуальном жесте остановки для стрелков, прикрывающих его фланги.

"Центр, Bravo-Два-Девять," - сказал он. "Вызов Bravo-ноль-три." Он подождал секунду, пока сетевой компьютер связывал его с сержантом Барретт. Затем...

"Bravo-два-девять, ноль-три," - произнес голос Кайлы Барретт в ухо. "Говори."

"Вижу что-то похожее на один Танго в шестистах метрах к западу от моей нынешней позиции," - сказал он, выделив значок на своем дисплее, который одновременно появился на дисплее Барретт. Он находился на дальней стороне четырех навесов для пикников, в точно подходящем месте, где кто-то мог присесть на корточки в устье дренажной трубы, показанной на карте местности в дисплее Азокара.

"Что он делает?" - спросила Барретт.

"Просто сидит там, насколько я могу сказать. Впрочем, зачем ему сидеть там, если ничего не замышляет."

"Ну, мы работаем по правилам Омега." Азокар почти слышал, как она пожала плечами. "Убери эту задницу."

"Понял, серж," - ответил он и осторожно двинулся к неподвижной иконке.

Обычно Азокар нес один из тяжелых трехствольников своего отделения. Другим его стандартным вооружением была плазменная винтовка. Но сегодня ему выдали один из нейробластеров, и после того, как эти террористические ублюдки убили тысячи граждан - и

всех Безопасников, которых он видел по пути сюда, - он был готов его использовать. На самом деле, он с нетерпением хотел его использовать ... сильно.

Однако он не был глупым и убедился, что его товарищи по команде прикрывают его задницу своими импульсными винтовками. Единственным реальным недостатком бластера, помимо его чертова веса, была его сравнительно небольшая дальность действия. С другой стороны, его датчики довольно четко определили оружие Танго как легкую гражданскую модель импульсной винтовки. Этого было достаточно, чтобы убить Безопасников в их легкой неактивной броне, но было бесполезно против универсальной брони. А это означало, что малый радиус действия оружия Азокара не имеет значения.

Он шагнул в тень навесов для пикника. Они были намеренно простыми, жесткий пластик их конструкции маскировался - неидеально - под бревна с корой на них, и его губа скривилась, когда он увидел сердце и скрещенные инициалы, которые какой-то глупый сесси усердно вырезал в твердом, как скала, материале. Очевидно, это было сделано с помощью старомодного лезвия, а не лазерного гравера, и для того, чтобы сделать это таким образом, требовались часы.

"Какой чертовски глупый способ тратить время," - презрительно подумал он, но его глаза не переставали осматривать окружающую обстановку, опасаясь любой угрозы. Но не было ни одной. Навесы были пустыми, с твердым керамокритовым полом, на котором не было места, где можно было оставить мины-ловушки или спрятать засаду, и нигде никто не мог спрятаться под столами для пикника.

* * *

Девятипалый Джейк наблюдал, как трое УВБ-шников направляется прямо к его позиции в дренажной трубе. Он боялся, что они доберутся до него - труба была самым коротким и защищенным маршрутом от этой стороны парка Тронхейм до бульвара Икер, и, в отличие от некоторых других частей района вокруг Нового Ростока, она была, вероятно, на картах города, которые они загрузили для операции. С другой стороны, вероятность того, что они пойдут этим путем, была единственной причиной, по которой он выбрал именно эту позицию.

Он улыбнулся этой мысли. Это была такая улыбка, которой могла улыбаться россомаха или, возможно, раненый тигр, наблюдая, как охотничий отряд оказывается в пределах досягаемости. Он знал кое-что о парке Тронхейм, чего не знали УВБ-шники, и терпеливо ждал, глядя на того, что с бластером. Еще три метра, подумал он, а потом...

Компьютер Жубера Азокара оценил потенциальную угрозу импульсной винтовки Девятипалого Джейка абсолютно точно. Тем не менее, он не смог заметить несколько других мелких предметов. Возможно, потому что они были настолько примитивны, что вообще не осознавались как угрозы. В конце концов, чего можно опасаться от пары заброшенных старомодных газовых грилей?

Когда Азокар встал между ними, его компьютер, и он, узнали об этом.

* * *

Девятипалый нажал кнопку.

Газовые грили для любительского приготовления пищи существуют уже более двух тысяч лет, и за этот долгий период они практически не изменились. Большинство из них все еще использовали бутан, и большинство их баллонов хранило газ примерно при тех же

четырнадцать атмосферах, что было нормой еще задолго до того, как человечество покинуло Солнечную систему. Эти грили, однако, больше не были стандартными. Девятипалый почти 30 лет работал в Сухареве, и он взял кое-что из Башни Сухарева после того, как первоначальное продвижение УОБ было отброшено. Помимо прочего, он забрал пару баллонов с водородом для аэрокаров. Они были только на двадцать процентов больше обычных баллонов газового гриля, а это означало, что их можно было просто втиснуть в то же пространство под горелками, но газ внутри них хранился в жидкой форме... под давлением восьмьсот атмосфер.

Когда Девятипалый нажал кнопку, активировались каталитические режущие головки, которые он установил вокруг подающих клапанов каждого бака с водородом. Это было похоже на работу лезвий кустореза над зеленой веткой; режущие головки прорезали жесткую синтетику резервуаров без суеты и беспокойства ... и без единой искры.

К счастью, Девятипалый вдумчиво разместил баллоны клапаном вверх. Вместо того, чтобы направиться к небу, как ракеты, внезапные два урагана извергающегося водорода пронзили грили, как криогенные циклоны, швырнув их из укрытия на несколько метров в воздух со звуком, похожим на крик умирающего банши.

* * *

Азокар застыл, ошеломленный внезапным извержением, когда мир вокруг него исчез в криогенном тумане. На мгновение, пока датчики его УБ не отрегулировали громкость, рев выходящего газа походил на удар по голове. Был момент останавливающей сердце паники, но почти мгновенно последовало огромное облегчение. Вид крышек гриля, поднимающихся в небеса на колоннах испаряющегося водорода, был поразительным, но чтобы повредить универсальную броню понадобилось бы нечто большее, и...

* * *

Девятипалый нажал еще одну кнопку, и Жубер Азокар обнаружил - ненадолго - что он ошибся, когда облако водородного газа взорвалось в самодельной топливно-воздушной бомбе, которая вполне могла уничтожить и сжечь даже универсальную броню.

<http://tl.rulate.ru/book/18880/388036>